

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3>

UDC 81.161.1'37

LBC 81.411.2-31

Submitted: 19.12.2022

Accepted: 03.04.2023

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF EMOTIVE VOCABULARY IN THE REGIONAL HAGIOGRAPHIC TEXT

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the peculiarities of emotive vocabulary functioning in the hagiographic texts of the 17th–18th centuries based on the material of short and lengthy editions of the Life of the locally venerable Saint Paisius of Uglich. The research paper aims to describe the semantics of emotives and identify the features of their functions implementation in the regional text. Whilst analyzing the lexical meaning of linguistic units, special attention was paid to additional senses that are actualized in the lexical structure of the text. Thus, contextual analysis made it possible to distinguish between close synonyms with the meanings of “joy” – “fun” and “sadness” – “sorrow” through the establishment of a hierarchy of antonymic oppositions: “joy” – “sadness” as related to the divine, always socially approved feelings experienced by the subject within himself, and “fun” – “sorrow” as often having external manifestations associated with everyday life, not always socially approved emotional experiences. The main linguistic functions of emotives are characterological, which is found in the description of emotional experiences of characters, and text-forming, explicated through the correlation of emotives that denote dominant emotions in the text of the function. The connection of the emotives used in the Life with a certain territory is noted to be indirect, as the realization of plot-forming and ideological functions that allow recreating a special cultural code, understandable and recognizable by the reader.

Key words: history of the Russian language, lexical semantics, vocabulary of emotions, functioning, hagiographic text, regional text.

Citation. Dmitrieva E.G. Semantics and Functions of Emotive Vocabulary in the Regional Hagiographic Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 37-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3>

УДК 81.161.1'37

ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 19.12.2022

Дата принятия статьи: 03.04.2023

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале краткой и пространной редакций Жития местночтимого святого Паисия Угличского рассматриваются особенности функционирования эмотивной лексики в агиографическом тексте XVII–XVIII веков. Статья нацелена на изучение семантики эмотивов и выделение особенностей реализации ими в региональном тексте комплекса функций. В ходе анализа лексических значений языковых единиц особое внимание уделено дополнительным смыслам, которые актуализируются в лексической структуре текста. Контекстуальный анализ позволил разграничить синонимы со значениями «радость» – «веселье», «печаль» – «скорбь» посредством установления иерархии антонимических оппозиций: «радость» – «печаль» как связанные с божественным, всегда социально одобряемые чувства, переживаемые субъектом внутри себя, и «веселье» – «скорбь» как часто имеющие внешние признаки, связанные с повседневностью, не всегда социально одобряемые эмоциональные переживания. Основными лингвистическими функциями эмотивов признаны характерологическая, обнаруживающаяся в описании эмоциональных переживаний персонажей, и текстообразующая, эксплицирующаяся через соотношение эмотивов, обозначающих доминантные эмоции в тексте. Показано, что связь употребленных в Житии эмотивов с определенной территорией проявляется как реализация сюжетоформирующей и мировоззренческой функций, позволяющих воссоздать особый культурный код, узнаваемый читателем и понятный ему.

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, функционирование, житийный текст, региональный текст.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Семантика и функции эмотивной лексики в региональном житийном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 37–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3>

Введение

Описание территориальной дифференциации языка остается в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов в течение длительного времени. В последние десятилетия, помимо исследований говоров, ученые обратились к изучению региональных особенностей и других разновидностей общенародного языка, как результат было введено понятие региолекта [Трубинский, 1991; Герд, 1998; 2001], а такой признак литературного языка, как единство на всей территории распространения, в современной науке подвергся уточнению: принято говорить о возможности территориального варьирования литературных норм [Крысин, 2007], актуализировано понятие регионального варианта литературного языка [Гельгардт, 1959] (подробнее о термине см.: [Бохиева, Степанова, 2012, с. 138–139]).

Термин «региолект» не получил однозначной трактовки, статус региолектов в современной социолингвистической системе русского языка не вполне ясен [Ерофеева, 2020, с. 599], однако при описании соответствующих языковых явлений подчеркивается два важных момента: во-первых, «наиболее очевидно проявление регионально маркированных языковых черт на лексическом уровне» [Теркулов, 2018, с. 11]; во-вторых, региолект «представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах» [Супрун, 2020, с. 841].

Кроме того, в исследованиях прочно утвердилось понятие «региональный (локальный) текст». Такой текст связывается с определенной территорией, характеризуется наличием каких-либо региональных черт (регионализмов) и «представляет собой уникальный конструкт, в основу которого заложена совокупность закрепленных традицией, прошедших практику языковых коммуникаций, устойчивых значений, которые спонтанно собираются или рекомбинируются

в зависимости от тех целей, которые ставятся человеком и обществом» [Храпова, Карандашов, 2018, с. 130].

В качестве материала для анализа ученые используют не только фольклорные, художественные и публицистические произведения, но и тексты других стилей разной временной отнесенности (см., например, исследования деловой письменности: [Документы Войска Донского..., 2020]). Региональные черты таких текстов в большинстве случаев обусловлены речевым и социально-культурным опытом их создателей, проживающих или проживавших на определенной территории. Так, рассматривая языковые средства выражения региональной самоидентификации автора в литературном тексте, лингвисты обращают внимание на локализацию пространства средствами языка и речи, использование онимов, регионально окрашенных прецедентных единиц, реализацию в текстах оппозиции «свой – чужой» [Баскакова, 2012, с. 170].

В этой связи употребление термина «региональный (локальный) текст» по отношению к агиографическим памятникам условно, поскольку «когда говорят о региональной агиографической традиции, скорее, имеют в виду не столько место создания жития, сколько место духовного подвига святого» [Семячко, 2005, с. 123–124]. Тем не менее историко-культурологические исследования агиографических текстов, связанных с определенной территорией, позволяют вычленивать характерные особенности подобного рода произведений: ориентацию на создание культа местночтимого святого, отражение истории повседневности [Лившиц, 2012, с. 11]; показывают, как православная семантика формирует идентичность региона [Шер, 2014, с. 99].

Региональная специфика агиографического текста формируется прежде всего на лексическом уровне, в этой связи перспективным представляется выявление семантических и функциональных особенностей слов одной

тематической группы, в частности лексики эмоций, в текстах региональных (локальных) житий. Исследование нацелено на верификацию гипотезы о том, что специфика эмотивных лексем проявляется в наборе функций, реализующихся ими в житии.

Материал и методы

Материалом для работы послужило Житие Паисия Угличского – памятник местной углической агиографии XVII в., представляющий собой жизнеописание преп. Паисия (в миру Павла Гавренева), основавшего, согласно Житию и бытующему в Угличе преданию, во второй половине XV в. Угличский Покровский монастырь [Сосновцева, 2020, с. 65]. Житие Паисия Угличского известно в двух основных редакциях, выделенных В.О. Ключевским, – краткой и пространной. Согласно мнению М.Д. Каган, краткая редакция Жития была создана раньше пространной, на рубеже XVI–XVII веков. Она связывается с подготовкой канонизации святого, что объясняет сжатый характер и отсутствие интереса к биографическим деталям [Каган, 1988, с. 317–318]. Однако самые ранние из известных списков краткой редакции Жития относятся ко второй половине XVII в., и на сегодняшний день никаких убедительных свидетельств того, что Житие возникло раньше, не обнаружено [Сосновцева, 2020, с. 66].

Точное время появления пространной редакции Жития неизвестно, однако рукописи, в которых она читается, датируются второй половиной XVIII–XIX веком. Пространная редакция представляет собой позднейшее распространение краткой редакции за счет включения в ее текст обширных вставок, описывающих как некоторые подробности биографии преподобного, так и эпизоды монастырской истории [Сосновцева, 2020, с. 71].

В статье использованы древнейший из известных списков краткой редакции, датируемый серединой XVII в., а также основной вариант пространной редакции Жития Паисия Угличского, сохранившийся в нескольких списках второй половины XVIII века.

В центре нашего внимания находятся функции эмотивной лексики, определяющие

место данной лексической группы в репрезентации представлений о нравственном идеале: собственно лингвистические – характерологическая, текстообразующая, лингвокультурная и экстралингвистические – сюжетоформирующая, дидактическая, мировоззренческая (подробнее о терминах см.: [Дмитриева, 2020]).

Исследование проведено с опорой на положения комплексного подхода, сформулированные в трудах С.П. Лопушанской и ее учеников: языковой факт рассматривается с учетом совокупности системных и функциональных, парадигматических и синтагматических характеристик слова, взаимосвязи языка и мышления [Лопушанская, 1996; Семантика древнерусского глагола..., 2015; Косова, Шептухина, 2022]. В качестве основных в работе использованы методы компонентного, контекстуального и лингвокультурного анализа.

Результаты и обсуждение

Эмоциональный фон Жития Паисия Угличского очерчен рядом ключевых эмоций (в скобках указано количество случаев употребления лексем с соответствующей семантикой в краткой и пространной редакциях Жития): радость (30/73), печаль (24/36), любовь (19/36), удивление (6/40), страх (3/17). Лексические единицы, обозначающие каждое из названных чувств, имеют смысловые оттенки и в тексте включены в систему семантических соответствий и оппозиций. Это не значит, что в рассматриваемом житии нет упоминаний о других чувствах, агиограф называет такие значимые в жизни человека переживания, как надежда, вера, забота, благоговение, гнев, стыд, ненависть и др. (в совокупности 14 и 61 случай употребления лексем в краткой и пространной редакции соответственно), однако частотность употребления лексем с данной семантикой гораздо ниже, чем частотность лексических единиц, обозначающих радость, печаль, любовь, удивление, страх.

Эмоциональной доминантой текста (подробнее о термине см.: [Ионова, 2023]) является чувство радости. Оно обозначено лексемами с корнями *-весел-*, *-рад-*, *-сме-*.

Происхождение корня *-весел-* (первоначально **ves-*) представляется исследователям

неясным, этимологические параллели находят в готском языке в словах со значениями «радоваться», «жить роскошно (припеваючи)», в латинском *vescor* – «питаюсь», «пирую», «наслаждаюсь» (Черных, т. 1, с. 145), в латышском *vesels (vēsels)* – «здоровый, целый, невредимый» (РЭС, с. 18); рефлексы **vesel-* в славянских языках могут обозначать изобилие, свадебное веселье как залог здоровья и благополучия молодых, возрождение мира весной (РЭС, с. 16). Славянский корень *-рад-* не имеет родственных связей в других индоевропейских языках, за исключением некоторых языков германской группы, в которых встречаются лексемы со схожими значениями – «радостный», «веселый», «становиться веселым, ясным» (Черных, т. 2, с. 93). Корень *-сме-* восходит к индоевропейскому *(s)mei- со значением «смеяться, улыбаться» (Черных, т. 2, с. 179).

Глагол *веселити* в донациональный период развития русского языка имел одно значение «веселить, радовать» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111), постфиксальное образование *веселитица* могло выступать в двух значениях: «веселиться, радоваться» и «процветать, быть изобильным» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111). Словарь фиксирует семантические дублиеты данных лексем: *веселокати / веселокатица, весельствокати, веселатица* (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111–113). *Веселатица* также имел значение «устраивать веселье, пировать» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 113). Полисемант *веселье* мог выступать в текстах в значениях: «веселье, радость», «развлечение, увеселение», «свадьба» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 112).

Глагол *радоватица* имел значения «радоваться, веселиться», «находить удовольствие в чем-л., любить что-л.», в формах инфинитива и императива мог использоваться в качестве приветствия и т. д. (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 123–124). Существительное *радотчъ* характеризовалось следующей семантикой: «радость, а также событие, лицо, вызывающие это чувство», «свадьба, бракосочетание», «веселье, ликование», «милость» (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 125).

Существительное *смѣхъ* фиксируется в исторических словарях как полисемант: «смех», «нечто смешное, забавное», «шутки, балагурство», «насмешка; предмет смеха, на-

смешки» (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 185–186), а глагол *смѣятица* приводится в значениях «смеяться», «насмехаться», «беззастенчиво обманывать» (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 192). Христианство осуждало смех и связывало его с близкой бедой из-за тесной связи с возможным пороком (СРМ, т. 2, с. 270).

Дефиниции в исторических словарях показывают, что глаголы *веселитица – радокатица* и существительные *веселье – радотчъ* являлись синонимами. В «Словаре русской ментальности» веселье и радость противопоставляются как «жизнерадостное беззаботное состояние, переживаемое совместно с другими людьми» (СРМ, т. 1, с. 91) и «личное душевное расположение к удовольствию» (СРМ, т. 2, с. 152); «радость испытывают в соборной общности, ради которого она возникает во всеобщем веселье» (СРМ, т. 2, с. 152).

В житийных контекстах реализуются смысловые оттенки, различающие данные слова.

Радость имеет божественную природу и связана с именем Бога:

(1) И чѣмъ райскиа двери ѿверзеша быша, и кндоша *радѹющеа в радотчѣ* га своего (ЖПУкр, л. 16 об.).

Радость – проявление божественной любви и благодати. Рефреном выступает в описаниях чудес святого фраза: *радѹаа и хвала бѣа и оугодника его*. Именно с приветственным *радѹиаа* обращается к святому Паисию ангел:

(2) *радѹиаа, паисѣе оугодниче* хък... (ЖПУкр, л. 21).

В русской лингвокультуре при встрече принято адресовать другому человеку пожелание здоровья (*здравствуй(те)!*) – как высшей ценности, в житийных текстах сходное значение приобретает радость, символизирующая получение божественного благословения.

Веселье связано с божественным, поскольку может быть атрибутом жизни вечной:

(3) но паче наде~~е~~жею кѹдѹцихъ бѣгъ *веселашеа* (ЖПУкр, л. 26 об.); и мира сего *печалы* остави, на вѣчное *веселие* приде (ЖПУкр, л. 29).

Связь с древней семантикой корня, конкретным значением празднования, по-видимому, требовала дополнительных

уточнений, когда речь шла о душевных переживаниях:

(4) И прїидѣ же прѣбныи оцѣ нашѣ паучїи на углѣчь, зѣло радѣахъ и **веселѣа дшїю** своєю, имѣа же в сердце своемъ такнѣшагоа емѣ знаменїе (ЖПУпр, л. 236 об.);

(5) Днесь, братїе, **весеелчїса** намъ лѣпоі естъ **дхвнѣ** и **радѣновати** (ЖПУпр, л. 308 об.).

В Житии Паисия Угличского представлены случаи противопоставления радости и веселья:

(6) **ѣмѣсто** члѣснаго покоа, **зѣныа** трдды и колѣзні · **ѣмѣсто** снаі **ѣепоцноѣ** стоаннїе · и **ѣмѣсто** **весеелна радѣотнѣтвѣрныи** плачь · и **ѣмѣсто** члѣскнѣ моѣвъ бынѣ **з** бѣгомъ **вѣрѣдоканїе** (ЖПУкр, л. 16 об.).

Разграничить радость и веселье можно по признаку социальной оценки: лексемы с корнем *-рад-* всегда выражают положительную оценку, а образования с корнем *-весел-* – амбивалентны.

При этом слова с корнем *-сме-* всегда характеризуют отрицательное оцениваемое поведение:

(7) игры же и **смѣхотворѣныи** словеса · **такѣже** естъ омычїаі дѣтѣмъ **ненакнѣдше** (ЖПУкр, л. 18).

Подробно описывается в обеих редакциях Жития случаи с боярином, который, увидев преподобного работающим в саду, посмеялся:

(8) **посмѣвѣа** прѣбномѣ ѿцѣі въ рѣцѣи своемъ, и похѣлн егѣ ... **поглѣ** і **хѣлнаго** своегоа словеса на бѣжѣнннмъ оцѣмъ и **смѣха** своегоа тогда **бжїннмъ** гнѣкомъ **пораже**" (ЖПУпр, л. 296 об.).

Отметим, что радость – веселье – смех противопоставлены и по характеру процесса: радость – внутренне переживаемое чувство, веселье – и чувство, и его внешнее проявление, смех – внешняя демонстрация эмоции (не обязательно радости).

По-видимому, в житийном тексте представлена некая иерархия эмоций, соотносящаяся с субъектом эмоциональных переживаний: радость как чувство более глубокое прежде всего переживается праведниками, веселье свойственно широкой палитре положительных персонажей, смех сопутствует изображению грешников. Описывая эмоции, агиограф скрыто поучает своих читателей, а рассма-

триваемые лексемы одновременно выполняет характерологическую, лингвокультурную и дидактическую функции.

Противоположная (отрицательная) эмоция печали, страдания выражена лексемами с корнями *-печ-*, *-скорб-*.

Существительное *печаль* этимологически связано с глаголом *печь* (Черных, т. 2, с. 28), а лексема *скорбь* – со словами *ущерб*, *щербатый* (Черных, т. 2, с. 171).

Слово *скорькь*, как и синонимичные однокоренные образования *скорькѣннїе* и *скорѣленнїе*, в памятниках письменности сочетало в многочисленных оттенках своих значений абстрактную и конкретную семантику: «душевное страдание, глубокая печаль, скорбь», «телесные страдания, боль; мука, мучение», «болезнь; телесный недуг, нездоровье», «беда, несчастье», «тяготы, лишения, нужда», «досаждение, беспокойство, смущение», «огорчение, досада, сожаление», «обида, притеснение; угнетение», «скорбные вопли, жалобы, мольбы о сострадании», «заботы, тревоги, хлопоты о чем-л.» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 238–239).

Существительное *печаль* имело схожие значения: «забота, постоянное попечение», «физические страдания, болезнь», «несчастье, беда», «угнетенное состояние, чувство скорби, горя; печаль тоска», «неприятная черта, свойство характера» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 32–33). Показательно, что однокоренные лексемы *печалованнїе* – «забота, попечение», «ходатайство, хлопоты; посредничество» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31), *пѣча* – «забота, попечение, беспокойство» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31) и *пѣчалнїе* – «забота, попечение, беспокойство» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31) не имели эмотивного значения.

Глагол *скорькѣти*, в отличие от глаголов *скорькѣтиа* – «горевать, печалиться, скорбеть» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 236) и *скорькѣти* – «причинять боль, страдание» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 236), характеризовался многозначностью: «горевать, печалиться, скорбеть», «печалиться, заботиться о ком-, чем-л.», «болеть, страдать, мучиться чем-л.», «тяготиться чем-л.», «обижаться, досадовать на кого-л.», «жаловаться, молить о сострадании» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 236). В текстах письменных памятников отмечено несколько глагольных

образований от корня *-печ-* с набором сходных значений: *печали́ти* – «печалить, огорчать, тревожить»; *печалова́ти* – «скорбеть, печалиться, сожалеть, горевать», «иметь попечение, заботиться», «ходатайствовать, просить за кого-л.», «мучить, угнетать»; *печалова́тица* – «скорбеть, печалиться, сожалеть», «иметь попечение, заботиться, беспокоиться», «ходатайствовать, просить за кого-л.»; *печальнова́ти* – «печалиться, горевать» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31–33).

При наличии общего семантического компонента ‘эмоциональное состояние’ своеобразным ассоциативным фоном выступают значения «физическое состояние (болезнь)» для лексем с корнем *-скорб-* и «социальные отношения (забота)» для слов с корневой морфемой *-печ-*.

Авторы «Словаря русской ментальности» сближают печаль и скорбь, называя оба состояния душевной заботой, и противопоставляют во временном плане: печаль вызывает сожаления о прошлом (СРМ, т. 2, с. 19), а скорбь может быть вызвана разлукой, разъединением, распадом связей в настоящем (СРМ, т. 2, с. 248).

В Житии обнаруживаются различия в эмотивных значениях этих существительных. Скорбь и печаль мыслятся как дискретные состояния, что подтверждается реализованной возможностью образовывать формы множественного числа у называющих их лексем:

(9) *вѣстѣи ко тако мѣгнми ѿскорьбми подолкавѣи наѣ вничи к ѿрѣтко нѣное...* (ЖПУкр, л. 24);

(10) *такое же нѣкто ѿ дѣнних ѿ чужихъ стѣлѣи ко свое ѿчѣтѣи приходѣ, и никоеже печали имаше · но паче надежею кудѣцихъ кѣгъ ввѣлашеѣа* (ЖПУкр, л. 26 об.–27).

Печаль может мыслиться и как длительное эмоциональное состояние, среднее по интенсивности:

(11) *видѣшѣи же родители его юна гѣца к толнѣи коздежанни к печали кахѣ о немѣ* (ЖПУкр, л. 18 об.).

Скорбь, обладая высокой степенью интенсивности, находит внешнее выражение:

(12) *и приходѣхѣ оуко к немѣ братѣи вѣа, видѣвше его нѣмогѣица · и ко тѣ хотѣица ѿити · скорьбаше и рыдающе... стѣи же рече к нимѣ: · не скорьбѣте о семѣ, братѣи* (ЖПУкр, л. 25 об.–26).

Частотны контексты, в которых существительные *скорькѣ* и *печаль* употребляются как однородные члены предложения, связанные соединительным союзом:

(13) *и прѣкыти к скорькѣи и печали велице время немало* (ЖПУкр, л. 37 об.); *вѣ велицеѣ скорькѣи и печали ѿ немѣ кѣтѣа* (ЖПУкр, л. 292 об.).

Представляется, что подобное употребление призвано передать чувства высокой интенсивности. Использование интенсификаторов (*велицеѣ*, *время немало* и т. п.) при эмотивной лексике в целом характерно для житийных текстов (см. об этом: [Дмитриева, 2018]).

Внешним проявлением печали и скорби в житии выступает плач. Его описания часто встречаются в анализируемом житийном тексте, например:

(14) *Тогдаже вѣа братѣи ѿ жалости великѣа слезы акн рѣкѣ проліѣша, а наипаче ѿцѣ прѣбныхъ каѣлнѣи ѿ великѣа теплотѣи своеѣи срѣца и люѣвѣ ко стѣомѣ слезы испѣстивѣа* (ЖПУкр, л. 268 об.).

В отличие от современных представлений, в русской христианской традиции плач – это не просто внешнее проявление эмоций (чаще отрицательных), а знак душевного очищения, следовательно, приближения к Богу. Слезная мольба, обращенная к Богу или святому, – непереносимое условие чудесного исцеления:

(15) *онѣ же моляѣа со слезамн о исцѣленнн своеѣи* (ЖПУкр, л. 33 об.); *и моляѣа со слезамн о исцѣленнн дѣтери своеѣа* (ЖПУкр, л. 33) и т. п.

Да и сам святой при жизни подает пример такой молитвы:

(16) *Прѣбный же ѿцѣ вшеѣ к келѣиѣи своѣи, и затворивѣа единѣ, и начатѣи гѣдеви со слѣзамн многими молитѣиѣа* (ЖПУкр, л. 239).

Именно с этих позиций становится понятным выражение *радостнотворѣиныхъ плачѣ* (см. пример (6)), которое отражает непривычную для носителя современного русского языка взаимосвязь: не слезы радости (следствие), а слезы очищения, дающего радость (причина).

В анализируемом тексте складываются семантические оппозиции: веселье – скорбь (конкретно оформленные свойства мирской

жизни, имеющие бытовые проявления) и радость – печаль (характеристики духовного бытия, ориентированного на подготовку к жизни вечной).

В обеих редакциях анализируемого Жития доминирующие в количественном и смысловом отношении лексемы со значением радости / печали и их проявлений дополняются существительными, прилагательными и глаголами, называющими эмоции страха и удивления. Они оказываются контекстуально близкими, поскольку чаще всего выражают переживания от столкновения с чудесным, божественным:

(17) И сѣа видѣвше стѣни оцѣи, и падоша на землю ницѣ ѿ славы пречѣна влѣнцы и црѣкѣхъ, и трепетѣннѣи бывше, какъ вѣнѣ себѣ ѿ страха (ЖПУпр, л. 246 об.);

(18) И тогда ѿ оужаснаго чюдѣси и страшнаго наказанїа стѣгѣи оца гвнѣса ко премилостивым оцѣи нашѣи и чюдотворецѣ великѣи павѣи (ЖПУпр, л. 298 об.);

(19) ...паче хртѣомѣннѣгоѣ стѣдо, прѣкнѣнымъ оцѣмъ доврѣе сократѣе ко стѣрѣкѣ бжїи (ЖПУпр, л. 267).

Сложные эмоции автор Жития «расщепляет» на знакомые для читателя составляющие:

(20) слышавъ же прѣкнѣннѣи панѣкѣ глы ѿ аггѣ со стѣрѣхо^м и радостїю, блгодарнымъ мѣтѣи козѣмѣмъ блѣ (ЖПУкр, л. 21 об.).

Таким образом, эмотивные лексемы не только характеризуют персонажей Жития, являются средством выражения ценностных ориентиров агиографа, но и выполняют текстообразующую функцию: они эксплицируют основополагающую антитезу, противопоставляющую наш мир – обитель скорби, страха и печали – и мир горний, в котором человека ждет радость настоящего бытия. Святой же предстает проводником, помогающим найти путь из одного мира в другой.

Агиограф использует лексику эмоций и в сюжетоформирующей функции. Если эмотивы, реализующие характерологическую, текстообразующую и дидактическую функции, транслируют универсальные смыслы, то сюжетоформирующая функция связана с развертыванием повествования не только о жизни святого, но и об истории монастыря и города.

Так, описывая события большого пожара в Угличе, автор объясняет чудесное избавление города от огня следующим образом:

(21) И тогда огонь какъ оустыдеѣа шкратѣ прѣстѣмъ вѣнѣ чюдотворнаго и толнѣннѣхъ прѣкнѣннѣхъ мѣжѣи и цѣнногѣлѣжитѣлѣи црѣкѣннѣхъ и вѣкорѣ оуглии своѣ лючѣоѣ пламѣа (ЖПУпр, л. 259–259 об.).

Опора на события из истории Углича конкретизирует образ святого в сознании читателя-земляка, делая его «своим», родным, близким и создает особую эмоциональную атмосферу сопереживания, заставляя острее понимать чувства, которые испытывали герои. Подобная «конкретизация» чувств сопровождается реализацией мировоззренческой функции эмотивной лексики, поскольку отражает особенности восприятия человеком окружающей действительности.

Выводы

Изображение внутреннего мира персонажей является важной частью житийного повествования. В центре внимания агиографа находится ограниченный набор эмоций: радость, печаль, любовь, страх, удивление, которые выражаются устойчиво повторяющимися лексическими единицами. Упоминания других эмоциональных переживаний (надежда, вера, забота, благоговение, гнев, стыд, ненависть и др.) встречаются гораздо реже.

Из числа частотных эмоций обычно одна или две доминирующие, это проявляется не только в значимости их роли в раскрытии замысла автора, но в высокой употребительности лексических единиц, их выражающих. В Житии Паисия Угличского это переживания радости и печали. Состав лексики, номинирующей эти эмоции, также ограничен и узнаваем. Сложные эмоциональные состояния могут «расщепляться» на простые составляющие, например, благоговение – это одновременно радость и страх. Такая простота обманчива, поскольку в агиографическом тексте эмотивные лексемы включаются в систему семантических корреляций и оппозиций, актуализируя новые смыслы. Во многом этому способствует богатство текстовых функций, которые они реализуют: эмотивы характеризуют (харак-

терологическая функция), эксплицируют смыслы, являющиеся основой для построения текста (текстообразующая функция), поучают и обучают читателя (дидактическая функция).

Особенности реализации эмотивами экстралингвистических функций (сюжетоформирующей и мировоззренческой) позволяют говорить о косвенном участии лексики эмоций в отражении региональной закреплённости текста. Такое использование анализируемых языковых единиц сопровождается «конкретизацией» семантики лексем на основе контекстуально устанавливаемой связи с историческими персоналиями, событиями и реалиями, создает «домашнюю» эмоциональную атмосферу, узнаваемый культурный код, а местный («свой») святой мыслится как надежный защитник и помощник в преодолении житейских трудностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскакова В. П., 2012. Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора в тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (15) С. 169–173.
- Бохиева М. В., Степанова И. Ж., 2012. Региональное варьирование русского языка в Забайкалье : вопросы стратификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 9 : Филология. С. 137–143.
- Гельгардт Р. Р., 1959. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. № 3. С. 95–103.
- Герд А. С., 1998. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании : тез. докл. Междунар. конф. М. : Рус. слов. С. 20–21.
- Герд А. С., 2001. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 488 с.
- Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты, 2020 / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова ; под общ. ред. О. А. Горбань. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Дмитриева Е. Г., 2018. Способы указания на интенсивность эмоционального переживания в житийных текстах синодального периода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 1. С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. № 19. С. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.04>
- Ерофеева Е. В., 2020. Региолект как континуум // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 17, вып. 4. С. 596–614. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
- Ионова С. В., 2023. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 1. С. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>
- Каган М. Д., 1988. Житие Паисия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. Вып. 2, ч. 1. С. 317–320.
- Косова М. В., Шептухина Е. М., 2022. Методологические положения лингвистической концепции профессора С.П. Лопушанской: новые сферы применения // Слово и текст в синхронии и диахронии. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 26–48.
- Крысин Л. П., 2007. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). С. 5–17.
- Лифшиц А. Л., 2012. «Житие Иродиона Илоезерского» (проблемы соотношения локального агиографического текста и локальной истории) // Вестник Томского государственного университета. № 357. С. 11–14.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр., 2015 / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова и др. ; отв. ред. Е. М. Шептухина. М. : ФЛИНТА : Наука. 352 с.
- Семячко С. А., 2005. Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб. : Дмитрий Буланин. С. 122–142.
- Сосновцева Е. Г., 2020. Житие Паисия Угличского : Исследования и тексты. М. : Изд. дом ЯСК. 288 с.

- Супрун В. И., 2020. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (рецензия на книгу: Донецкий региолект : монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Фолиант, 2018. – 265 с.) // Неофилология. Т. 6, № 24. С. 836–845. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845
- Теркулов В. И., 2018. О понятии «региолект» // Вестник ДонНУ. Серия Д, Филология и психология. № 3/4. С. 5–16.
- Трубинский В. И., 1991. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков : Изд-во Псков. гос. пед. ин-та. С. 156–162.
- Храпова В. А., Карандашов И. В., 2018. Региональный текст в современной социокультурной динамике // Logos et Praxis. Т. 17, № 4. С. 125–131. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14>
- Шер Е. Ю., 2014. В поисках региональной идентичности: особенности и тенденции развития уральской агиографической литературы XVI–XVII веков // Филологический класс. № 2 (36). С. 98–99.
- avtora v tekste [The Ways of Expressing Regional Linguistic Consciousness in the Texts Written by the Authors of Volgograd]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (15), pp. 169–173.
- Bokhieva M.V., Stepanova I.Zh., 2012. Regionalnoe variirovanie russkogo yazyka v Zabaykale: voprosy stratifikatsii [Regional Variation of the Russian Language in Transbaikalia. Issues of Stratification]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology], vol. 11, iss. 9: Filologiya [Philology], pp. 137–143.
- Gelgardt R.R., 1959. O literaturnom yazyke v geograficheskoy proektsii [About the Literary Language in the Geographical Projection]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 95–103.
- Gerd A.S., 1998. Dialekt – regiolekt – prostorechie [Dialect – Regiolect – Vernacular]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: tez. dokl. Mezhdunar. konf.* [Russian Language in Its Functioning. Abstracts of the Reports of the International Conference]. Moscow, Rus. slov. Publ., pp. 20–21.
- Gerd A.S., 2001. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Course of Lectures and Anthology]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 488 p.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Dmitrieva E.G., 2018. Sposoby ukazaniya na intensivnost emotsionalnogo perezhivaniya v zhitiynykh tekstakh sinodalnogo perioda [The Ways of Emphasizing the Intensity of Emotional Experience in the Hagiographic Texts of the Synodal Period]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 1, pp. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiynykh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary as a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.04>

ИСТОЧНИКИ

- ЖПУкр* – Сосновцева Е. Г. Житие Паисия Угличского : Краткая редакция // Житие Паисия Угличского : Исследования и тексты. М. : Изд. дом ЯСК, 2020. С. 173–196.
- ЖПУур* – Сосновцева Е. Г. Житие Паисия Угличского : Пространная редакция // Житие Паисия Угличского : Исследования и тексты. М. : Изд. дом ЯСК, 2020. С. 197–257.

СЛОВАРИ

- РЭС* – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2013. 352 с
- СРМ* – Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. СПб. : Златоуст, 2014. 2 т.
- СРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015. 30 вып.
- Черных* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М. : Рус. яз., 2002. 2 т.

REFERENCES

- Baskakova V.P., 2012. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya regionalnoy samoidentifikatsii

- Erofeeva E.V., 2020. Regiolekt kak kontinuum [Regiolect as a Continuum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 17, iss. 4, pp. 596-614. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
- Ionova S.V., 2023. Emotsionalnaya dominanta teksta: nekotorye lingvisticheskie aspekty issledovaniya [Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 13-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>
- Kagan M.D., 1988. Zhitie Paisiya Uglichskogo [Life of St. Paisius of Uglich]. Likhachev D.S., ed. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, iss. 2, pt. 1, pp. 317-320.
- Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2022. Metodologicheskie polozheniya lingvisticheskoy kontseptsii professora S.P. Lopushanskoy: novye sfery primeneniya [Methodological Provisions of the Linguistic Concept of Professor S.P. Lopushanskaya: New Areas of Application]. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii* [Word and Text in Synchrony and Diachrony]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 26-48.
- Krysin L.P., 2007. Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika [Russian Literary Norm and Modern Speech Practice]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (14), pp. 5-17.
- Lifshits A.L., 2012. «Zhitie Irodiona Iloezerskogo» (problemy sootnosheniya lokalnogo agiograficheskogo teksta i lokalnoy istorii) [The Life of Herodion Iloezersky (On the Relationship Between Local Hagiographic Texts and Local History)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 357, pp. 11-14.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitelnyy protsess [Semantic Modulation as a Verbal and Cogitative Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 1, pp. 6-13.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Sheptukhina E.M., eds., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronic and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Semyachko S.A., 2005. Problemy izucheniya regionalnykh agiograficheskikh traditsiy (na primere vologodskoy agiografii) [Problems of Studying Regional Hagiographic Traditions (On the Example of Vologda Hagiography)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian Hagiography. Research. Publications. Controversy]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 122-142.
- Sosnovtseva E.G., 2020. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovaniya i teksty* [Life of St. Paisius of Uglich: Studies and Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK. 288 p.
- Suprun V.I., 2020. Regiolekt vs dialekt: novye poiski etnolingvistov (retsenziya na knigu: Donetskiy regiolekt : monografiya / pod red. V.I. Terkulova. – Donetsk : Foliant, 2018. – 265 s.) [Regiolect Vs Dialect: New Searches of Ethnolinguists (Reflections on the Book: Donetsk Regiolect: Monograph / Edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.)]. *Neofilologiya* [Neophilology], vol. 6, no. 24, pp. 836-845. DOI: [10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845)
- Terkulov V.I., 2018. O ponyatii «regiolekt» [About “Regiolect” Notion]. *Vestnik DonNU. Seriya D, Filologiya i psikhologiya* [Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology], no. 3/4, pp. 5-16.
- Trubinskiy V.I., 1991. Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian Regiolects: Signs of Formation]. *Pskovskie govory i ikh okruzhenie* [Pskov Dialects and Their Surroundings]. Pskov, Izd-vo Pskov. gos. ped. in-ta, pp. 156-162.
- Khrapova V.A., Karandashov I.V., 2018. Regionalnyy tekst v sovremennoy sotsiokulturnoy dinamike [Regional Text in Modern Socio-Cultural Dynamics]. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 4, pp. 125-131. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14>
- Sher E.Yu., 2014. V poiskakh regionalnoy identichnosti: osobennosti i tendentsii razvitiya uralskoy agiograficheskoy literatury XVI–XVII vekov [In Search of a Regional Identity: Features and Tendencies of Development of the Ural Hagiographic Literature of 16th – 17th Centuries]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], no. 2 (36), pp. 98-99.

SOURCES

- Sosnovtseva E.G., 2020. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Kratkaya redaktsiya* [Life of St. Paisius of Uglich:

- Brief Edition]. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovaniya i teksty* [Life of St. Paisius of Uglich: Studies and Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK, pp. 173-196.
- Sosnovtseva E.G., 2020. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Prostrannaya redaktsiya* [Life of St. Paisius of Uglich: Lengthy Edition]. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovaniya i teksty* [Life of St. Paisius of Uglich: Studies and Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK, pp. 197-257.
- DICTIONARIES**
- Anikin A.E. *Russkiy etimologicheskii slovar. Vyp. 7* [Russian Etymological Dictionary. Iss. 7]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, 2013. 352 p.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A. *Slovar russkoy mentalnosti. V 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2014.
- Slovar russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp. 1-30* [Dictionary of the Russian Language (11th – 17th Centuries). Iss. 1-30]. Moscow, Nauka Publ., 1975-2015.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2002.

Information About the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>